

РѢЧЬ

при нареченіи во Епископа Волоколамскаго, произнесенная въ Синодальной Московской Конторѣ 2 янв. 1904 года.

Святѣйшіе Отцы, Богомудрые Архипастыри Церкви Христовой.

Ваше избраніе и изволеніе Государя моего заставили меня придти сюда въ шумную столицу изъ тихой обители, гдѣ до сихъ поръ мирно протекала моя жизнь. „Служеніе духовному пиру дошло и до насъ, способныхъ болѣе пользоваться услугами другихъ, нежели себя предлагать въ услугу другимъ“,—приведу слова св. Григорія Нисскаго, сказанныя имъ на свое рукоположеніе. Это говорилъ уже старецъ, „у котораго и волосъ сѣдъ, и сила отъ времени ослабла, рѣчь запинается и дрожить“ (Гр. Нис. 4, 361). Мнѣ ли юнѣйшему, призываемому нынѣ къ столь высокому служенію, не повторить этихъ дивныхъ словъ предъ освященнымъ соборомъ Святителей?

Высокочтимые Архипастыри, стоя у вашего подножія, съ радостью смотрю я на васъ. Въ Христовой Церкви вы представляете собою строителей той чудной таинственной башни, которая отъ вѣка созидается на землѣ не изъ мертвыхъ бездушныхъ камней, а изъ живыхъ безцѣнныхъ душъ человѣческихъ (Паст. Ерм.). Вы—передовые воины, ведущіе паству на небо. Но когда я смотрю на васъ, мой взоръ простирается дальше того, что я вижу. Осматривая таинственную башню, я вижу въ ней множество рядовъ строителей, предшествовавшихъ вамъ. Мысленно созерцая прошлое Церкви, сначала вижу я за вами Архипастырей, вашихъ предшествен-

никовъ. Потомъ вижу предшественниковъ вашихъ предшественниковъ. За ними слѣдуютъ новые Архипастыри. Смотрю дальше и предо мною вырастаютъ все новые и новые сонмы великихъ Святителей Божіихъ. И чѣмъ я больше смотрю вдаль, тѣмъ все больше и больше растутъ и увеличиваются предо мною ряды Архипастырей. Вотъ они, наконецъ, уже теряются на страшной высотѣ. А тамъ, на самомъ верху, почти въ недоозримой выси, въ невыразимомъ сіяніи славы, вижу я нашего общаго Пастыреначальника Христа Спасителя.

Какое множество Святителей. Предо мною новое, духовное небо, почти сплошь усыянное чудными звѣздами, изъ которыхъ каждая лъетъ на грѣшную землю свой особенный, ей одной только свойственный свѣтъ. Боже, какая это во истину необоримая стѣна. Какой это дивный рай Божій, какой это какъ бы роскошный садъ изъ благоухающихъ душъ человѣческихъ. Какое разнообразіе дарованій...

Вотъ я вижу предъ собою Архипастырей молитвенниковъ, постниковъ, чудотворцевъ. Вотъ вижу Архипастырей великихъ мучениковъ и ревностнѣйшихъ защитниковъ вѣры Христовой. Вотъ вижу Архипастырей учителей Церкви, дивно свѣтившихъ всему міру своимъ ученіемъ, полнымъ жизни, чарующей прелести и непреодолимой поразительной мощи. Вотъ вижу Архипастырей великихъ таинниковъ и созерцателей, души которыхъ были чище чистѣйшаго кристалла и нѣжныѣе, кажется, душъ самихъ небожителей. Вотъ вижу Святителей миссіонеровъ. А тамъ Святители, безстрашно обличавшіе царей, вельможъ, сильныхъ міра сего за ихъ беззаконія. Тутъ Святители устроители царствъ и народовъ. Тамъ Святители ходатаи за всѣхъ обездоленныхъ. Здѣсь Святители непримѣрно мудрые пастыри душъ человѣческихъ, дивные врачи немощныхъ совѣстей человѣческихъ, пастыри по преимуществу. Вотъ вижу Архипастырей великихъ человѣколюбцевъ и милостивцевъ! Одинъ изъ нихъ самъ продаетъ себя въ рабство, чтобы возвратить изъ плѣна несчастной матери сына - плѣнника (Павл. Нол.). Другой во время голода своимъ мощнымъ словомъ для бѣдняковъ растворяетъ житницы богачей, устраиваетъ цѣлый „городъ“ для больныхъ и убогихъ, „лобзаетъ прокаженныхъ въ уста“, „обнимаетъ недужныхъ, какъ своихъ друзей“, „охотнѣе расточаетъ,

чѣмъ пріобрѣтаетъ“. „Онъ такъ много значилъ для Церкви, что покорить одного считалось болѣе важно, чѣмъ покорить цѣлый народъ“ (Вас. Вел.). Третій раздаетъ все свое достояніе, спитъ на голыхъ доскахъ, прикрытый однимъ рубищемъ, питается, какъ послѣдній нищій (П. Ю. Милост.). Четвертый говоритъ, что за ближняго надо не только страдать и положить свою душу, но и десять разъ сгорѣть, если бы это только было возможно (Ис. Сир.).

Теперь я стою предъ этимъ дивнымъ сонмомъ Архипастырей, какъ подсудимый, и невольно спрашиваю я великихъ Святителей о томъ, что есть служеніе святительское. И вотъ что я слышу съ высоты небесъ.

Слышу прежде всего самого Христа Спасителя. Онъ мнѣ говоритъ: служеніе святительское есть служеніе униженія, служеніе крестное. Это своего рода Голгова. Не ждаты и властно требовать услугъ отъ другихъ долженъ онъ, а идти на путь служенія другимъ. Онъ — слуга, а не гордый властитель (Мѣ. 20, 28). Онъ—пастырь душъ, а не имѣній. Онъ—убогій бѣднякъ, а не пышный магнатъ или роскошествующій богачъ* (Мѣ. 8, 20). Пастырь добрый не только не заботится о своемъ покоѣ и не боится потерять внѣшнихъ удобствъ жизни, а и душу свою полагаетъ за овецъ своихъ. (Ю. 10, 11).

И изъ безчисленнаго сонма святыхъ, великихъ и вѣрнѣйшихъ слугъ Христовыхъ я слышу дорогія и любезныя для моего сердца и слуха слова. Вотъ они.

Епископъ—Ангель Церкви (Апок. 2, 1 и др.). Епископъ занимаетъ въ Церкви мѣсто Апостоловъ (Іерон. 27 п. къ Марк.). Епископъ—кормчій церковнаго корабля, мудро ведущій его къ тихой пристани среди бурь моря житейскаго. Епископъ—учитель и попечитель паствы (Апост. пр. 35. 58). Епископъ—отецъ паствы, ибо онъ рождаетъ и возрождаетъ ее благовѣствованіемъ своего ученія (Гр. Б. 2, 42). Епископъ—женихъ паствы, которую онъ такъ же любитъ, какъ возлюбилъ ее Христосъ, проливъ за нее свою неповинную кровь на Голгоѣѣ. Епископъ—хранитель церковнаго стана. Епископъ стѣлпъ, держащій на себѣ всю тяжесть служенія Церкви міру и людямъ. Епископъ—чудная діадима, превосходящее украшеніе вѣнца Церкви (Ефр. Сир. 4, 375). Епископъ—солнце, которое на каждый уголокъ земли льетъ

свои живительные лучи постоянно (Гр. Б. 2, 40). Епископъ не только строитель тайнъ Божіихъ, но и строитель строителей тайнъ Божіихъ (1 Кор. 4, 1), содѣлывающій другихъ способными къ освященію многихъ. Епископъ подобенъ гранатовому яблоку. Какъ въ гранатовомъ яблокѣ одною внѣшнею корою охватывается и ограждается внутри множество зеренъ, такъ и Епископъ сохраняетъ множество вѣрующихъ въ полномъ единеніи другъ съ другомъ (Гр. Дв. Паст. пр. 4, 42). Епископъ долженъ быть „богомъ и другихъ дѣлать богами“ (Гр. Б. 1, 49). „Въ епископѣ сѣдѣющіе на престолахъ пусть ищутъ законодателя,—гражданскіе начальники—градостроителя, простолудины учителя благочинія, ученые—наставника, дѣвы—невѣстоводителя, супруги—наставника въ цѣломудріи, пустынники—окрыляющаго, живущіе въ обществѣ судію, любители простоты—путеводителя, ведущіе жизнь созерцательную—богослова, живущіе въ веселіи—уздъ, бѣдствующихіе—утѣшеніе, сѣдина—жезль, юность—дѣтвовожденіе, нищета—снабдителя, обиліе—домостроителя, вдовы—покровителя, сироты—отца, нищія—нищелюбца, странные—страннолюбца, братія—братолюбца, больные—врача, здравые—охранителя здравія, и всѣ—*всѣмъ бывшаго вся* (1 Кор. 9, 22), да всѣхъ, или какъ можно большее число людей, пріобрѣщаютъ“ (Гр. Б. 4, 112).

Теперь я только понимаю, почему Архипастырь, стяжавшій безсмертную славу среди людей, увѣнчанный вѣнцомъ праведника, говорилъ: „каедре епископская завидная, но и опасная высота“ (Гр. Б. 4, 39). Только теперь отчасти постигаю я смыслъ словъ и другого великаго Архипастыря, который говорилъ, что пастырство выше поста, выше внѣшнихъ подвиговъ, что оно—мученичество цѣлой жизни (Io. Зл. 2 сл. о свящ.).

Умолкну. Не стану больше приводить себѣ на память сонмы Архипастырей, такъ чудно и разнообразно блещущихъ на духовномъ небѣ. Своимъ слабымъ словомъ я не могу передать хотя бы только отчасти всей высоты, всего величія и обаянія этого дивнаго неба.

Когда я мысленно представляю предъ собою эту неборимую стѣну великихъ, дивныхъ Святителей, невольно наполняется душа моя тревогой и невольно говорю я: Господи, куда ведешь Ты меня? Скажи мнѣ путь мой? Зачѣмъ при-

вель Ты меня сюда? Мысленно созерцая тяжесть подвига, возлагаемаго нынѣ на меня, я падаю почти въ изнеможеніи. Я не могу выносить свѣта, какой вижу предъ собою. И хочется мнѣ сказать: Господи, возврати меня въ мой тихій кровъ. Дай мнѣ возможность избѣжать Твоего посѣщенія. Отъ Твоего лица бѣжали многіе. Бѣжалъ прор. Іона (Іон. 1, 1), Моисей противился волѣ Твоей (Исх. 3, 10; 4, 13), Іеремія страшился „юности“ и не хотѣлъ идти на призывъ Твои (Іер. 1, 5 сл.), Павелъ упорно и „излиха“ гналъ Тебя (Дѣян. 9 гл.). Отказывались отъ служенія Тебѣ и многіе великіе отцы Церкви. Мнѣ ли юнѣйшему и немогущѣйшему не бѣжать отъ Лица Твоего, Господи?...

Богомудрые Архипастыри, не возлагайте на непривычныя рамена тяжкаго бремени, превышающаго мои слабыя силы. Послушайте Соломона, который говоритъ: „Горе тебѣ, граде, въ немъ же царь твой юнъ“ (Еккл. 10, 16). Спаситель мой, не простирай ко мнѣ гласа Твоего: „паси овцы моя“ (Іо. 21, 16). Не говори мнѣ: „будь ловцомъ челоуѣковъ“ (Лк. 5, 10) и „свидѣтелемъ Мнѣ до послѣднихъ земли“ (Дѣян. 1, 8).

Господи, я хотѣлъ бороться съ Тобою, какъ боролся Іаковъ. Я хотѣлъ бѣжать отъ Твоего лица, какъ бѣжали многіе. Ты *видѣлъ* и *знаешь* это. Мнѣ хотѣлось еще многіе годы не возлагать на себя бремени святительства. Но не смогъ я противиться Тебѣ. Да будетъ же воля Твоя. Благословенно имя Твое отнынѣ и до вѣка. Я давно безповоротно отдалъ всего себя Тебѣ и далъ обѣтъ быть вѣрнымъ Тебѣ даже „до крове“. Пусть „живу къ тому не азъ, но живетъ во мнѣ Христось“ (Гал. 2, 20). Исповѣдую предъ всей вселенной, что я горячо любилъ Тебя всегда отъ дней моей юности и посильно исповѣдовалъ всюду имя Твое святое. И пастырство, которое я сейчасъ приѣмлю, есть самое наглядное и убѣдительное доказательство моей любви къ Тебѣ. Такъ училъ и Златоустый (2 сл. о свящ.). Вѣрю, что въ этотъ единственный день и часъ въ моей жизни вашими освященными руками Самъ Христось подаетъ мнѣ жребій пастырскаго служенія.

Вѣрю, что Ты со мною, Господи. Не археологическими доказательствами, не филологическими изысканіями, не философскими доводами только я убѣждался въ Твоей всеблагой и всемогущей десницѣ. Нѣтъ, я зрѣлъ Тебя не разъ

въ теченіи своей жизни (1 Іоан. 3, 6). Я даже какъ бы осязалъ Тебя (Іо. 14, 23. Филип. 2, 5). Ты не разъ стучался въ двери моего сердца (Апок. 3, 20). Я знаю, что Ты ближе къ человѣку, чѣмъ окружающій его воздухъ, ближе его одежды, ближе даже его собственнаго тѣла.

Бросая бѣглый взглядъ на прожитую жизнь, теперь только особенно ясно вижу я, какъ Ты не разъ касался таинственныхъ струнъ моего сердца, какъ Ты влекъ меня съ ранняго дѣтства на путь служенія Тебѣ. Много разъ я уклонялся отъ Тебя, но Ты неожиданно возвращалъ меня на путь, съ котораго, думалъ я, ушолъ разъ навсегда. Среди какихъ бѣдствій провелъ Ты меня цѣлымъ, изъ какой бездны Ты вывелъ меня невредимымъ. Много разъ надъ моею головою собирались такія черныя тучи, что не было просвѣта ни откуда. Иногда казалось, что уже все погибло. И вотъ въ тотъ самый моментъ, когда мнѣ казалось, что болѣе уже некуда идти, что болѣе не отъ кого ждать помощи, Ты приходилъ ко мнѣ и выводилъ меня снова на свой необъятный Божій просторъ, наполнялъ сердце мое радостью, давалъ мнѣ силы и бодрость нести свою тяжелую ношу дальше въ крутую гору жизни. Но довольно объ этомъ. Не буду приподнимать завѣсу своей внутренней жизни. Объ этомъ узнаютъ люди впоследствии...

Я не знаю, куда Ты влечешь меня теперь, Господи, и каковъ мой будетъ дальнѣйшій путь. Но привыкши покоряться Тебѣ отъ юности, иду я смѣло впередъ. Одна у меня къ Тебѣ просьба теперь: не оставь меня, какъ Ты не оставлялъ меня и прежде. Въ минуты скорби, тяжелыхъ испытаній, упадка духа и силъ, въ минуты внутренняго боренія, простри мнѣ Твою спасительную всемогущую десницу, какъ Ты простиралъ ее Ап. Петру, утопавшему на морѣ. Ничего я не прошу отъ Тебя болѣе. Не нужно мнѣ ни богатства, ни славы, ни могущества, ни высокихъ престоловъ, ни народныхъ восторговъ, никакихъ возвеличеній и прославленій.

Одному ветхозавѣтному „юному“ избраннику, колебавшемуся идти на призывъ Твой, Ты говорилъ: „не бойся ихъ: Я съ тобою“ (Іер. 1, 8). И мнѣ съ Тобою не страшень будетъ мой будущій путь. Съ Тобою я не убоюсь никакого зла. Съ Тобою пройду невредимымъ даже среди сѣни смертной (Ср. Іер. 1, 8). Съ Тобою я ничего не боюсь и не страшусь: ни труда, ни невагодъ, ни лишеній, ни изгнаній, ни

даже смерти. Съ тобою я готовъ пресмыкаться на улицахъ безъ пищи, крова, одежды, во всякихъ бѣдахъ, напастяхъ и обстояніяхъ. За Твое святое имя я давно далъ обѣтъ не только перенести всѣ невзгоды, какія выпадутъ на мою долю въ жизни, но и самую даже смерть, если Господь когда-нибудь наградитъ меня дорогимъ и завиднымъ вѣнцомъ мученика.

Съ Тобою я не утрашуся того духовнаго растлѣнія, о которомъ такъ много говорятъ и пишутъ нынѣ. Не убоюсь того „безпокойнаго, злокозненнаго мятежа душъ, отъ чего не мало зла, или уже потерпѣлъ я, или надѣюсь еще потерпѣть“,—скажу словами св. Григорія Богослова (2, 165). Въ сѣтованіяхъ и жалобахъ на настоящія времена несомнѣнно не мало преувеличенія. Безспорно мы живемъ теперь въ лучшія времена, чѣмъ въ какія жили хрістіане прежнихъ вѣковъ. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ теперь тѣ страшныя гоненія, какія нѣкогда переносили хрістіане? Гдѣ теперь тѣ непримѣрно глубочайшія духовныя бури и смуты, которыя когда-то потрясали всѣхъ и все? Гдѣ язычество, устремлявшееся могучимъ потокомъ на хрістіанство, ставшее затмить его идеалы своими идеалами? Не насъ ли теперь всячески берегутъ и охраняютъ?...

Церковь не одолѣютъ никакія темныя силы (Мѡ. 16 18). Она будетъ всегда существовать непоколебимо. Поэтому если говорятъ объ упадкѣ церковной жизни въ настоящее время, то, можетъ быть, справедливѣй было бы больше говорить объ упадкѣ жизни самихъ пастырей. Говорятъ, колеблется церковь, „хрістіанство не удалось“... Можетъ быть, не Церковь колеблется, а мы отчасти колеблемся, мы не совсѣмъ удались... „Не оставили ли мы первую любовь“ (Апок. 2, 4), которую такъ сильно пламенѣли сердца первохрістіанскихъ пастырей? А можетъ быть, мы и совершенно „обнищали любовью“, скажу словами св. Григорія Ниссаго (4, 365),—этой величайшей, зиждительной, чудотворящей силой? Не потому ли мы безсильны и въ борьбѣ съ современнымъ невѣріемъ и полуневѣріемъ, что сами не имѣемъ въ себѣ достаточно силъ вдохнуть жизнь въ тѣхъ людей, въ душѣ которыхъ гаснетъ свѣтильникъ жизни? Можетъ быть, „надобно прежде всего самому очиститься, потомъ уже другихъ очищать; умудриться, потомъ умудрять; стать свѣтомъ, потомъ

просвѣщать; приблизиться къ Богу, потомъ приводить къ Нему другихъ; освятиться, потомъ освящать“ (Гр. Б. 1, 48)..

Мнѣ припоминаются въ данную минуту св. Апп. Павелъ и Варнава. Вотъ они входятъ въ громадный языческій городъ Антиохію. Кругомъ высятся грандіозныя языческія храмы. Всюду кипитъ жизнь, совершенно чуждая всякихъ завѣтовъ Христа. Апостолы идутъ сюда покорять сердца язычниковъ Христу. Но что же они несутъ съ собою для этого? У нихъ нѣтъ ничего съ собою. Нѣтъ ни денегъ, никакихъ орудій, нѣтъ добраго имени, нѣтъ наконецъ даже книгъ. Идутъ они сюда, вооруженные одною только живою вѣрой въ Христа Спасителя, да непреодолимою нравственною мощью. И что же? Они выходятъ изъ города побѣдителями. Такова сила вѣры, чистоты и святости жизни. Ничто и никто предъ этою силой не устоитъ въ цѣломъ мірѣ: ни богатство, ни слава, ни могущество, ни грубая сила, ни цари, ни гордецы, ни мудрецы, ни невѣжды, ни бѣдняки. Какъ непримѣрно велика эта сила и какъ мало она нуждается въ какой-либо защитѣ. Спаситель запрещаетъ Петру когда-либо прибѣгать къ помощи меча (Мѣ. 26, 52). Онъ сдерживаетъ гнѣвный порывъ сыновъ Зеведея, которые хотѣли было низвести огонь съ неба на селеніе, отказавшее въ ночлегѣ Спасителю (Лк. 9, 54). Самъ ни разу не даетъ мѣста гнѣву противъ даже Іуды предателя. На крестѣ молится за своихъ враговъ (Лк. 23, 34). Вся исторія христіанства полна примѣрами поразительнаго обнаруженія этой всепобѣждающей силы. Не огнемъ и мечемъ, не кровію и страшными мученіями, не путемъ насилія распространялось христіанство на землѣ, а этою великою внутреннею зиждительною силой. И въ наше время есть люди, которые сильны этою силой, какъ никто, предъ которыми склоняется все, которые властвуютъ надъ душами десятковъ тысячъ людей.

Съ Тобою, Господи, не страшно мнѣ и служеніе благовѣствованія Твоего небеснаго ученія. Припоминается мнѣ въ данную минуту еще одна незабвенная страница Св. Писанія. Вотъ Апп. Петръ и Іоаннъ возвратились изъ темницы, въ которой они были заключены за имя Христово. О случившемся съ ними Апостолы рассказали христіанамъ. Христіане совершили за Апостоловъ молитву. Эта молитва была такъ сильна, что „поколебалось мѣсто, гдѣ они были со-

браны“. Въ своей пламенной молитвѣ христіане просили у Бога не внѣшней—грубой или тонкой силы, не отмищенія своимъ врагамъ. Нѣтъ, они просили другой силы. Вотъ о чемъ они молили Бога: „и дай рабамъ твоимъ со всею смѣлостью говорить слово Твое“ (Дѣян. 4, 29). Господи, дай и мнѣ немощному этой силы больше, сколько только можетъ вмѣстить мой слабый духъ...

Съ Тобою, Господи, не страшны мнѣ и грядущія судьбы Церкви, чтобы ее не ожидало на пути ея историческаго существованія. А ее много ожидаетъ. На нее обращены взоры интеллигенціи, нѣкогда отторгшейся и отъединившейся отъ ея вѣчныхъ завѣтовъ. Вмѣстить ли она „возвращающихся“ съ ихъ недостатками и недостатками, ихъ новыми запросами и культурными чаяніями? Церковь имѣетъ не мало чадъ, давно отторгшихся отъ нея и не желающихъ пока возвратиться въ спасительную ограду церковнаго корабля. Что она будетъ дѣлать съ ними? Привлечетъ ли она ихъ къ себѣ и какимъ путемъ сможетъ привлечь? У вратъ Церкви теперь стоятъ старокатолики и англикане. Сможетъ ли она протянуть имъ свою руку и принять ихъ въ братское общеніе? И много, много другихъ вопросовъ, вопросовъ глубокой важности, предстоитъ рѣшить Церкви. Можетъ быть, въ недалекомъ будущемъ измѣнится до неузнаваемости многое изъ того, что мы видимъ въ настоящее время.

Съ Тобою, Господи, не страшно мнѣ и то ближайшее мое служеніе юношеству, какое возложено на меня. Смѣю вѣрить, что юношескія сердца, еще не успѣвшія погрязнуть въ житейской суетѣ, могутъ понять и опѣнить то добро и правду, какія я несу имъ. Это вѣдь ихъ родная стихія. Буду всеми силами стараться сохранить отъ гибели ихъ всехъ до единаго. Надѣюсь воспитать изъ нихъ вѣрныхъ и преданныхъ сыновъ Церкви и самоотверженныхъ слугъ отечества.

Съ Тобою, Господи, не страшно мнѣ и служеніе высшей богословской наукѣ. Ты въ теченіе земной Своей жизни проповѣдовалъ одну только истину. Да и Самъ Ты—есть истина, путь и жизнь (Іо. 14, 6). И наша наука стремится ни къ чему иному, какъ только къ постиженію этой высшей правды, истины и жизни. Ты не боялся идти противъ внѣшнихъ авторитетовъ и старинны глубокой. Не боялся, когда надѣ

Твоимъ вѣчнымъ словомъ жизни смѣялись люди. Ты не прекращалъ Своего слова и тогда, когда собирались побить Тебя камнями. Не страшна и нашей школтѣ крикливая толпа, не знающая и не понимающая, что она творить...

Ничто мнѣ не страшно съ Тобою, Господи.

Итакъ, съ миромъ склоняю свою выю „подъ Твою крѣпкую руку“ (1 Петр. 5, 6). Я—рабъ Твой отнынѣ и до вѣка. Радуюсь, что благодать святительства изольется на меня въ сердцѣ русской земли, на ея, такъ сказать, священномъ алтарѣ. Пятерица святителей,—Филиппъ, Алексій, Петръ, Иона и Стефанъ,—почивающихъ въ Кремлѣ, да будетъ для меня вѣчнымъ примѣромъ жизни и дѣятельности на пользу Церкви и Государства, во славу Божию и на благо людей. Радуюсь, что мое нареченіе совершается въ день, когда весь православный людъ воспоминаетъ день смерти новоявленнаго Саровскаго чудотворца, таинника, молитвенника, народолюбца, челоуѣколюбца Серафима. Да будетъ этотъ день днемъ моей смерти для жизни только для себя.

Что еще скажу я вамъ, богомудрые Архипастыри, послѣ того, какъ исповѣдалъ предъ Вами свои завѣтныя думы, чаянія и надежды?

Возвожу свои мысленныя очи съ особенной любовью теперь къ тебѣ, великій и священнѣйшій небесный сонмъ Архипастырей, царствующихъ на небѣ съ Пастыреначальникомъ Христомъ. „Призри на меня свыше, утиши твоими молитвами, научи меня все сносить терпѣливо и всю жизнь мою направъ къ полезнѣйшему. Скажи мнѣ, на какія пажити водить стадо Христово, кого пасти палицею, кого свирѣлю; какъ изнемогшее поднять, падшее возставить, заблуждающееся обратить, погибшее взыскать и, крѣпкое сохранить“ (Гр. В. 4, 111; 1, 237—238).

Обращаюсь съ этою же мольбой и къ вамъ, богомудрые Архипастыри. Обращаюсь и къ вамъ, Архипастыри русской Церкви, разсѣянные по всѣмъ уголкамъ нашего необъятнаго отечества. Обращаюсь и къ вамъ, единовѣрные намъ Архипастыри восточныхъ церквей. Научите, наставьте, ободрите, утѣшите меня, помолитесь о мнѣ, примите меня въ свой братскій тѣсный союзъ.

Молю и тебя, русскій благочестивый народъ, споспѣшествуй мнѣ своими горячими, искренними молитвами. Да

дасть мнѣ Христось дерзновение и силу вѣщать Его волю всесвятую.

Помолись за меня и ты, родная и дорогая для меня Академія. Помолитесь вы, мои глубоко чтимые наставники и сослуживцы. Помолитесь и вы, дорогіе мои питомцы. Да дасть мнѣ Господь быть достойнымъ сыномъ своей Матери, такъ заботливо и нѣжно воспитывавшей меня. Да дасть Онъ мнѣ силы высоко держать ея священное знамя, на которомъ исторія начертала столь великія слова.

И ты, Архипастырь и Свѣтильникъ Московской церкви, прими меня въ свою любовь, какъ сына или даже какъ раба, который будетъ сидѣть у ногъ твоихъ отнынѣ постоянно и останется вѣрнымъ тебѣ даже „до крове“.

Господи, ради народа Твоего многаго даруй мнѣ сугубую благодать. Соверши силу Твою въ немощи моей (2 Кор. 12, 9). Ей, гряди, Господи (Апок. 22, 20). Сердце мое готово.....

Архимандритъ Евдокимъ.
